

Моим родителям

Сегодня, пятого ноября, я начинаю свои записки. Запишу все как можно точнее. Но не знаю даже, действительно ли сегодня пятое ноября. Минувшей зимой я потеряла счет дням. Указать день недели тоже не могу. Правда, не думаю, что это так уж важно. Записки мои будут отрывочными, поскольку я никогда не предполагала их писать и боюсь, что оставшиеся у меня в памяти события на самом деле были не совсем такими.

Это, должно быть, недостаток любых записок. Я пишу не потому, что мне доставляет удовольствие писать; просто случилось так, что я должна писать, если не хочу лишиться рассудка. Здесь ведь нет никого, кто бы мог подумать и позаботиться обо мне. Я совсем одна и должна как-то пережить долгую темную зиму. Не рассчитываю, что эти записки когда-либо найдут. Не знаю даже, хотелось бы мне этого или нет. Может, пойму, когда допишу до конца.

Я стала писать, чтобы не глядеть в темноту и не бояться. Потому что я боюсь. Со всех сторон ко мне подступает страх, и я не собираюсь ждать, ко-

гда он настигнет меня и погубит. Буду писать, пока не стемнеет, и надеюсь, эта новая непривычная работа утомит меня, мысли уйдут и я усну. Утра я не боюсь, боюсь только долгих мрачных сумерек.

Не знаю точно, который час. Должно быть, около трех. Мои часы потерялись; но и прежде особого толку от них не было. Крохотные золотые часики на браслете, собственно говоря, просто-напросто дорогая игрушка, они никогда не шли точно. У меня есть шариковая ручка и три карандаша. Паста в ручке почти высохла, писать же карандашом я очень не люблю. Написанное трудно потом разбирать. Тонкие серые линии плохо видны на желтоватой бумаге. Но выбора-то у меня нет. Пишу на обороте старых календарей и на пожелтевшей почтовой бумаге. Бумага осталась от Гуго Рютлингера, ипохондрика и страстного коллекционера.

Вообще-то говоря, мне следовало начать эти записки с Гуго, ведь не будь его страсти к собирательству и ипохондрии, я бы сегодня тут не сидела, может быть, меня вообще бы уже не было на свете. Гуго был мужем моей кузины Луизы и довольно состоятельным человеком. Источником его благосостояния была котельная фабрика. Котлы, которые делал Гуго, — совсем особенные котлы. К сожалению, я забыла, в чем состояла эта особенность его котлов, хотя мне и объясняли много раз. Впрочем, это совершенно не относится к делу. Во всяком случае, Гуго был так богат, что был вынужден позволить себе нечто особенное. Вот он и позво-

лил себе охоту. С таким же успехом он мог купить скаковую конюшню или яхту. Но лошадей Гуго боялся, и стоило ему ступить на палубу, как у него начиналась морская болезнь.

Охоту он тоже держал исключительно ради престижа. Был никудышным стрелком, да и претило ему убивать безобидных косуль. Он приглашал деловых партнеров, и те вместе с Луизой и егерем осуществляли плановый отстрел, а Гуго тем временем сидел в шезлонге перед охотничьим домиком, сложа руки на животе, и дремал на солнышке. Он был так загнан и задерган, что засыпал, едва опустившись в шезлонг: огромный толстый мужчина, измученный неясными страхами и осаждаемый заботами со всех сторон.

Он мне очень нравился, я тоже любила лес и спокойные дни в охотничьем домике. Ему не мешало, если я была где-нибудь поблизости, пока он спал в шезлонге. Я гуляла, не заходя далеко в лес, и наслаждалась тишиной после городского шума.

Луиза была заядлой охотницей; здоровое рыжеволосое создание, она заводила роман с каждым встречным мужчиной. Ненавидя хозяйство, она радовалась, что я немного присматриваю за Гуго, варю между делом какао и готовлю ему бесконечные микстуры. Он же панически боялся заболеть, тогда я не могла понять этого как следует; жизнь его была сплошной гонкой, единственное же удовольствие — вздремнуть на солнышке. Он был очень мнительным и — как мне кажется —

во всем, что не касалось его фирмы (что само собой разумелось), боязливым, как малый ребенок. Очень любил завершенность и порядок и отправлялся в дорогу не иначе как с двумя зубными щетками. У него всех предметов обихода имелось по нескольку штук; казалось, это прибавляет ему уверенности. Он был весьма образован, тактичен, а в карты играл плохо.

Не припомню, довелось ли мне хоть раз вести с ним серьезный разговор. Иногда он предпринимал слабые попытки такого рода, но очень быстро оставлял их то ли из робости, то ли просто не желая тратить силы. В любом случае меня это устраивало — из такого разговора для нас обоих не вышло бы ничего, кроме конфуза.

Тогда все время говорили об атомной войне и ее последствиях, что подвигло Гуго сделать в охотничьем домике небольшой запасец продуктов и других необходимых вещей. Луиза, считавшая все это бессмыслицей, злилась и боялась, что по округе пойдут разговоры и в дом кто-нибудь залезет. Может, она и была права, но в таких случаях упрямство Гуго было ничем не сломить. У него начинались сердечные приступы и боли в желудке, пока Луиза не сдавалась. А вообще-то ей это было глубоко безразлично.

Тридцатого апреля Рютлингеры пригласили меня поехать с ними. К тому времени я уже два года как овдовела, обе мои дочери были почти взрослыми, и я могла проводить время как мне

угодно. Честно говоря, я не очень-то пользовалась предоставившейся свободой. По натуре я домоседка, дома мне лучше всего. Исключения я делала только для приглашений Луизы. Я любила охотничий домик и лес и готова была ехать на машине хоть три часа. Вот и тогда, тридцатого апреля, я приняла приглашение. Мы собирались провести здесь три дня и больше никого не приглашали.

Собственно говоря, охотничий домик — это двухэтажная деревянная вилла, построенная из толстых бревен, она и сегодня в хорошем состоянии. На первом этаже — большая кухня, она же — столовая и гостиная в деревенском стиле, рядом — спальня и маленькая комнатка. На втором этаже, окруженном деревянным балконом, — три небольшие комнаты для гостей. В одной из них я тогда и ночевала. Шагах в пятидесяти, на склоне у ручья, стоит скромный домик егеря, собственно, избушка в одну комнату, а рядом с ней, у самой дороги, Гуго распорядился построить дощатый гараж.

Так вот, после трехчасовой поездки мы остановились в деревне, чтобы забрать у егеря собаку Гуго. Пса, баварскую легавую, звали Лукс, и хотя он принадлежал Гуго, но вырос у егеря, он его и натаскивал. Удивительно, как это егерю удалось внушить псу, что его хозяин — Гуго. Во всяком случае, Луизу он не признавал, не слушался и старался не иметь с ней дела. В отношении меня пес сохранял дружественный нейтралитет и любил держаться поблизости.

Это было красивое животное с темной рыже-вато-коричневой шерстью, великолепная охотничья собака. Мы немного поболтали с егерем и договорились, что следующим вечером он отправится с Луизой на охоту. Она собиралась подстрелить косялю: как раз первого мая начинался охотничий сезон. Разговор несколько затянулся, как обычно бывает в деревне, но даже Луиза, которой никогда этого было не понять, сдерживала нетерпение, чтобы не раздражать егеря, поскольку не могла без него обойтись.

До домика мы добрались только к трем. Гуго немедленно взялся перетаскивать новые припасы из багажника в комнату за кухней. Я сварила на спиртовке кофе, и, перекусив, Луиза предложила Гуго, только что пристроившемуся подремать, еще раз прогуляться с ней в деревню. Разумеется, только из вредности. Так или иначе, она очень ловко взялась за дело, объявив, что движение необходимо для здоровья Гуго. К половине пятого она наконец добилась своего и, торжествуя, отбыла вместе с ним. Полагаю, они приземлились в деревенском трактире. Луиза любила общаться с лесорубами и деревенскими парнями, ей и в голову не приходило, что эти простаки могут втихомолку потешаться над ней.

Я убрала со стола посуду и повесила одежду в шкаф; закончив, присела на скамейке перед домом, на солнышке. Стоял чудесный теплый день, и, судя по прогнозу, хорошая погода должна

была держаться. Солнце стояло низко над елями и вскоре село. Охотничий домик находился в маленькой котловине в конце ущелья, у подножия крутых гор.

Греясь в последних лучах солнца, я увидела, что Лукс возвращается. Наверное, он отказался слушаться Луизу, и в наказание она отправила его обратно. Видно было, что она его отругала. Подойдя, он огорченно на меня поглядел и положил голову мне на колени.

Так мы просидели некоторое время. Я гладила Лукса и утешала его — я знала, что Луиза совершенно не умеет обращаться с собакой.

Когда солнце скрылось за елями, похолодало и на прогалину легли синие тени. Мы с Луксом пошли домой, я затопила большую печь и стала готовить что-то вроде плова. Конечно, этого можно было и не делать, но я проголодалась и к тому же знала, что Гуго любит настоящий, горячий ужин.

В семь часов моих хозяев еще не было. Да я и не рассчитывала, что они вернутся раньше полдевятого. Я накормила собаку, поужинала своей порцией плова и села читать при свете керосиновой лампы газеты, привезенные Гуго. От тепла и тишины меня разморило. Лукс залез под печку, он тихо и довольно сопел. В девять я решила лечь спать. Заперла дверь, а ключ взяла с собой наверх. Я так устала, что тут же уснула, несмотря на то что постель была холодная и сырая.

Проснулась оттого, что солнце светило мне в лицо, и сразу вспомнила прошлый вечер. Поскольку мы захватили только один ключ от дома, а второй был у егеря, Луиза и Гуго, вернувшись, непременно должны были разбудить меня. Накинув халат, я помчалась вниз и отперла входную дверь. Лукс уже ждал, повизгивая от нетерпения, и пулей вылетел на улицу. Я зашла в спальню, хотя и была уверена, что никого там не обнаружу, ведь окна забраны решетками, да и Гуго не смог бы влезть даже в незарешеченное окно. Разумеется, постели были не смяты.

Было восемь утра; судя по всему, они остались в деревне. Я страшно удивилась. Гуго ненавидел чужие короткие кровати, и он ни за что не допустил бы, чтобы я осталась на всю ночь одна. Я ума не могла приложить, что случилось. Вернулась в свою комнату и оделась. Было еще очень свежо, и на черном «мерседесе» Гуго блестела роса. Вскипятив чаю, я немного согрелась, а потом мы с Луксом отправились в деревню.

Я едва замечала холод и сырость в ущелье, ломая голову, что же могло приключиться с Рютлингерами. Может, Гуго стало плохо с сердцем? Привыкнув к тому, что он всегда хандрит, мы перестали принимать его недомогания всерьез. Я ускорила шаг и послала Лукса вперед. Он помчался с радостным лаем. Я не надела горных ботинок и теперь, спотыкаясь, брела за ним по острым камням.

Дойдя до конца ущелья, я услышала, как Лукс взвыл от боли и испуга. Я обошла штабель бревен, из-за которого ничего не было видно, но обнаружила за ним только воющего Лукса. Из пасти у него капала красная слюна. Я наклонилась и погладила его. Он прижался ко мне, дрожа и повизгивая. Должно быть, прикусил язык или сломал зуб. Когда я собралась идти дальше, он поджал хвост, заступил дорогу и стал толкать меня назад.

Я не видела ничего, что могло бы его так напугать. В этом месте дорога выходит из ущелья, и, насколько хватало взгляда, она пустынно и мирно лежала в лучах утреннего солнца. Я недовольно оттолкнула собаку и пошла дальше одна. Хорошо, что Лукс пытался задержать меня — уже через несколько шагов я сильно ударилась обо что-то лбом и отшатнулась.

Лукс снова заскулил и прижался к моим ногам. Я ошеломленно вытянула руку и коснулась чего-то холодного и гладкого: холодное и гладкое препятствие там, где не могло быть ничего, кроме воздуха. Помедлив, я повторила попытку, и рука вновь наткнулась на что-то вроде оконного стекла. Затем я услышала громкий стук и озираясь до тех пор, пока не поняла, что это колотится мое собственное сердце. Мое сердце испугалось раньше меня.

Я присела на бревно возле дороги и попыталась собраться с мыслями. Безуспешно. У меня вдруг не осталось ни единой мысли. Лукс подобрался по-

ближе, его кровавая слюна капала мне на пальто. Я гладила его, пока он не успокоился. Некоторое время мы оба глядели на дорогу, что так тихо и мирно лежала в лучах утреннего солнца.

Я вставала еще трижды и убедилась, что здесь, в трех метрах от меня, на самом деле есть нечто невидимое, гладкое, холодное, не пускающее дальше. Я подумала о галлюцинации, хотя знала, что это не имеет с ней ничего общего. Я скорее примирилась бы с легким помешательством, чем с этой страшной невидимой штукой. Но вот — Лукс с окровавленной мордой, а вот — начавшая болеть шишка у меня на лбу.

Не знаю, сколько я просидела на бревне, но припоминаю, что мысли все время крутились вокруг чего-то несущественного, словно ни за что не желая заняться непостижимым.

Солнце поднялось выше и согрело спину. Лукс все облизывался, кровь наконец перестала идти. Судя по всему, он поранился несильно.

Сообразив, что нужно что-то делать, я велела Луксу сидеть. Потом, осторожно вытянув вперед руки, приблизилась к невидимой преграде и пошла вдоль нее на ощупь, пока не добралась до склона ущелья. Дальше пути не было. Перейдя на другую сторону дороги, я дошла до ручья и только теперь заметила, что его слегка подпрудило и он вышел из берегов. Но воды было мало. Весь апрель было сухо, а таянье снегов уже миновало. По другую сторону стены — я начала назы-

вать эту штуку стеной, ведь как-то я должна была ее называть, раз она вдруг появилась, — по другую, стало быть, сторону стены ложе ручья было почти сухим, но на некотором расстоянии вода уже текла тонкой струйкой дальше. По всей видимости, она просочилась сквозь пористый известняк. Следовательно, стена не могла уходить глубоко в землю. Я почувствовала слабое облегчение. Переходить запруженный ручей не хотелось. Было трудно поверить, что стена вдруг кончится, ведь тогда вернуться Луизе и Гуго было бы проще простого.

Тут я осознала — а подсознательно эта мысль, похоже, давно меня мучила, — что на дороге не видно ни души. Наверняка кто-нибудь давно бы уже поднял тревогу. Естественно было бы, если бы перед стеной собрались любопытные деревенские жители. Даже если никто из них и не набрел на стену, так Гуго и Луиза наверняка на нее наткнулись бы. То, что никого не было видно, казалось мне еще более загадочным, чем стена.

На теплом утреннем солнце меня начал бить озноб. Первая маленькая ферма, собственно, просто лачуга, была за ближайшим поворотом. Перейдя ручей и немного поднявшись по склону, я наверняка ее разгляжу.

Я вернулась к Луксу и поговорила с ним. Он ведь понимал абсолютно все и гораздо больше моего нуждался в утешении. Я вдруг поняла, какое счастье, что Лукс со мной. Сняв чулки и туфли,